

Е.П. ОСИПОВА

Рязань

Из жизни диалектных слов в рязанских говорах

В статье рассматриваются живые процессы, которые происходят в лексике современных рязанских говоров, отражающей материальную культуру данного региона. Особое внимание обращается на связь историко-культурных фактов с семантикой диалектного слова. Анализируются синонимические отношения внутри лексико-семантической группы.

Ключевые слова: *русская диалектология; рязанские говоры; лексикография; ретроспективный анализ; памятники письменности; семантика.*

В отечественной науке давно сложилось отношение к диалектному слову как к «коллективной памяти носителей языка», «памятнику культуры», «зеркалу жизни нации», «ключу к образу жизни соответствующего народа» [Верещагин 1980: 7].

Вместе с тем следует отметить, что в языкознании сформировались две прямо противоположные позиции в оценке современного состояния русских народных говоров. С одной стороны, звучат утверждения о разрушении диалектов, необоснованности использования термина *диалект* в наше время и предложения использовать иной – *полудиалект*, вплоть до констатации исчезновения говоров. С другой стороны, «широкомасштабное лексикографическое и лингвогеографическое изучение диалектов... развернувшаяся работа по созданию диалектологических атласов показали ошибочность утверждений об отмирании диалектов в условиях социальной интеграции, так как обнаружили огромные пласты хорошо сохранившейся диалектной лексики» [Вендина 2010: 23]. Имеет место уверен-

ность в том, что все, что окружало человека в жизни, всегда вызывало и будет вызывать интерес. Многие диалектные слова получили жизнь в глубокой древности, однако проходят десятилетия, а старина продолжает оставаться живой, актуальной, несмотря на огромные изменения, произошедшие в жизни страны.

Внимание ученых (лингвистов, фольклористов, историков, этнографов) издавна привлекали рязанские говоры, своеобразие которых связывается с древнейшими историческими процессами. Массовое заселение славянами рязанской земли происходило, по данным историков и археологов, в IX–XI вв. Этнографические и лингвистические «следы» автохтонного населения – древней мордвы, а также вятичей и кривичей, «колонизировавших» современную рязанскую территорию, – сохраняются до наших дней. Давно известно, что «судьбы языка и судьбы этноса всегда были тесно связаны» [Толстой 1982: 400], поэтому рассмотрение исторических процессов в языке невозможно в отрыве от этнической истории его носителей.

Проследим развитие рязанских диалектизмов на примере слов, связанных с материальной культурой носителей говоров.

Вбспнище. Слово было достаточно распространённым, о чем свидетельствуют рязанские памятники XVII в.:

Осипова Елена Петровна, кандидат филол. наук, доцент, директор Института непрерывного образования Рязанского гос. ун-та им. С.А. Есенина, докторант МГОУ.

E-mail: elenaosipova.mail@gmail.com

Данатехъ же соняхъ было авьса четыре четвертьи московьской мѣры в рогожномъ воспище... идѣль мѣхъ моихъ двухъ лошадей суздами исхомутомъ иссанъми иссовсомъ исъ вось(ь)пищемъ невѣдома гдѣ. А цена гсдрь... иуздамъ ихомуту исонямъ иовьсу и воспищу пять рубльевъ спольтиною... [Борисова 1956: 228].

Контекст указывает, что *воспище* – это рогожное или рядное полотнище, род мешка для перевозки запасов. По свидетельству Е.Н. Борисовой, другими памятниками письменности, кроме рязанских, слово не засвидетельствовано. Ср.:

ВОСПИЩЕ, с. *Мешок из рядна, дерюги (как мера)*. Куплено в Ижевску про монастырской обиход хмелю три воспища, дано за все два рубли трицат алтынъ две денги. Кн. прих.-расх. Бог<ословского> м<онастыря>, 82.1685 г. [СлРЯ XI–XVII вв. 1976: III, 48].

Словари XIX в. отмечают слово в основном как рязанское со значением ‘веретье, большая дерюга’ (см.: [Опыт 1852; Макаров 1846; Диттель 1898]); Даль поясняет это слово через синонимы *веретье, ватола* и др., а также дает развернутое описание:

постилка самой грубой ткани, для сушки зернового хлеба, насыпн его в возы и др. *Хлеб дороже золота, а под воспищем лежит. Нагишом меня не води, а то помру, хоть воспищем покрой* [Даль: I, 249].

В СРНГ отмечено для рязанских, тамбовских, самарских говоров [СРНГ: V, 141].

Картотека Рязанского областного словаря указывает на широкое распространение данного слова в рязанских говорах в 50–70-е гг. XX в. в том же значении, что и в XIX в. В некоторых говорах (район Иоанно-Богословского монастыря) слово могло означать валянную из шерсти полсть или войлок, который постилали молодым на лавку.

В Рязанской области воспище использовалось в календарной обрядности. В с. Красном Пронского района во время святочных гуляний мужики рядились «кобылой»: крепили лошадиный череп на прялке-рогульке, затем игроков покрывали воспищем; на сооруженного таким образом «коня» верхом сажали мальчика с

колокольчиком. В других местах «конем» («кобылой») рядились во время проводов Масленицы, обряда проводов русалки. В рассказах всех информантов подчеркивается, что торс «коня» покрывали именно воспищем. Эту же ткань большого размера расстилали на току, когда сушили зерно, ею укрывали и возы с зерном. Идея плодородия, которой подчинена вся масленичная и русалочья обрядность, реализуется через соединение «коня» с воспищем, поскольку связана с представлением, что через воспище передается сила ржаного поля и зерна [Тульцева 2001: 59, 90, 183, 201, 202].

В рязанских говорах *воспище* употреблялось наряду со словом *веретье*. В повести С. Есенина «Яр» читаем:

Филипп чинил порватое *веретье*, он воткнул шило в стенку и подбежал к окну; Подползли к оглоблям; он спал за задком на *веретье*; Карев надел кожан, дал Филиппу накрыться *веретье*, и поехали на Чухлинку; Дед Иен отвел его в шалаш и, постелив постель, накрыл, перекрестив, веретьем.

Мастюшка. Слово отмечено памятниками рязанской письменности XVII в. Судя по контексту, оно обозначало горшок для масла или меда (без указания на его форму):

дакуплено(а)... масла мастюшка кзаговеину дана гривьна набратью; ...а принесь онъ камнѣ калинька в кѣлью в мастюшке итотъ медь я оска снимъ калинькою поѣли у меня вчюлане [Борисова 1956: 193].

В Словаре Даля слово *мастюшка* зафиксировано со значением маленького горшка, кашничка с пометами «рязанское», «московское», «псковское». М.Н. Макаров и И.Ф. Диттель указывают его только как рязанское слово [Макаров 1820: 130]. Практически во всех лексикографических источниках лексема обозначает маленький горшок, небольшой горшочек. Кроме рязанских, *мастюшка* бытует в московских, тамбовских, псковских, воронежских говорах [СРНГ: XVIII, 18]. В рязанских говорах известно в значении ‘горшок для молока или каши’; небольшой его размер мотивировал возникновение уменьшительных форм *мастюшечка, мастюжечка*, которые СРНГ

отмечены исключительно как рязанские [Там же].

Ночёвка, ночёвки, нѣчвы. В XVI–XVII вв. встречается в ограниченном количестве памятников. Слово *ночевка* в качестве обозначения вида корыта отмечено в рязанских памятниках письменности (*посълана... сорокъ три начевъки скорыта*) и в Картотеке ДРС [Борисова 1956: 217]. Очевидно, что *ночевка* было образовано как уменьшительное от *ночвы*. Ср.:

НОЧВЫ и **НОЧВИ** (НАЧ-) *мн.* Неглубокое деревянное корыто округлой формы с плоскими выступами-рукоятками на концах; деревянный лоток. <...>

НОЧЕВКИ (НОЧОВКИ), *мн.* То же, что **ночвы**. <...>. [СлРЯ XI–XVII вв. 1986: XI, 431].

В лексикографических источниках XIX в. слово отмечается как областное. Ср.:

НОЧВА, НОЧОВКА *жс.* или *ночвы, ночовки* *мн.*, *нощвы* *стар.* (от *носить?*) неглубокое, тонко отделанное корытце, лоток. На *ночах* сеют муку, раскатывают хлеб; в *ночвы* складывают из печи печенье, выносят на продажу, на *ночах* же полют зерно, крупу, сдувая легкий сор, полюву [Даль: II, 557].

В других словарях XIX и начала XX в. лексемы *ночевки, ночвы, ночви* отмечены как известные в архангельских, рязанских, тамбовских, калужских, вологодских, ярославских, смоленских, орловских говорах [Васнецов 1970; Добровольский 1914; Макаров 1846; Мотовилов 1888; Подвысоцкий 1885].

Сохраняются эти слова и в современных говорах. В Рязанской области слова *ночевка, ночевки, ночвы* бытуют и теперь. Следует отметить, что формы *ночевка, ночевки* уже не воспринимаются как уменьшительные. Так, в с. Борки Рязанского района, с. Новая Деревня Касимовского района *ночевка* – корыто для разделывания теста. Однако чаще этими словами обозначают емкость (ящик) для хранения муки (*В начофках храним муку.* – Шацкий р-н, с. Наршушадь; Рязанский р-н, с. Дубровичи; Рыбновский р-н, с. Ходынино), а также плетенное из прутьев и соломы или деревянное корытце для просеивания муки (Спасский р-н,

с. Кирицы; Рыбновский р-н, с. Пущупово; Рязанский р-н, д. Александрово). Как видим, значение ‘корыто для разделывания теста’ со временем ушло на периферию, однако сохраняют актуальность другие значения, что связано в первую очередь с использованием предметов для хранения и просеивания муки. Примечательно, что изменение назначения предмета, его формы и материала, из которого он изготовлен, далеко не всегда приводит к отказу от традиционного названия. Указанные лексемы сохраняются и употребляются в современных рязанских говорах наряду со словом *лоток*.

Отымальник. Зафиксировано одним из рязанских памятников XVII в., написанным на территории Солотчинского монастыря:

...здѣланъ потъсвѣчникъ да отымаль(ъ)-никъ чѣмъ горшки отъпечи отымають(ь) [Борисова 1956: 239].

По свидетельству Е.Н. Борисовой, другими, кроме рязанских, памятниками письменности это слово не зафиксировано. Примечательно, что в рязанских памятниках того же периода встречаются лексемы *сковородник* и *чапля* с тем же значением, даже в одном контексте:

...здѣланъ потъсвѣчникъ даотымальникъ... да сковородникъ изошло желѣза два ботога; да куплено сковорода... рогачъ да чапли... [Там же 1956: 240].

Картотека Рязанского областного словаря отмечает наряду со словами *сковородник* и *чапля* также лексемы *чапальник, чапельник, чаплиник, цапля, цапельник*.

В лексикографических источниках XIX в. встречается фонетический вариант *утымальник*, который характеризуется как рязанское слово со значением ухвата, рогача [Диттель 1898; Макаров 1846]. В современных рязанских говорах наименование *отымальник* не встречается, зато широко бытуют слова *отымалка, отымалок* для обозначения тряпки, с помощью которой достают чугуны из печи:

...чугун пьдымать *атымалку* вазьми (Касимовский р-н, с. Ибердус); *чугун-та* вить горячай, ты *атымалкѣй* йаво вазьми (Ермишинский р-н, с. Нарма); вазьми *атымалку*,

чугун весь грязнай, нъмараисси (Шацкий р-н, д. Ужово); дефк, приниси мне атымалку, чугун снять надь (Касимовский р-н, с. Гиблицы); чугун-та виш горячий, ты атымалком йаво вазьми (Спасский р-н, с. Веретье).

В этом значении *отымалка* и другие фонетические, словообразовательные и морфологические варианты известны, кроме рязанских, также калужским, московским, орловским, курским, воронежским, саратовским, пензенским, тверским, ярославским владимирским, нижегородским, костромским, вологодским говорам [СРНГ, XXV: 15]. В Рязанской области эти слова используются для обозначения грязной тряпки (Сапожковский, Ряжский, Кораблинский р-ны), плохо постиранной вещи (Рязанский р-н), веника для метения пола или половой тряпки (Касимовский р-н), кухонного полотенца (Спасский р-н). *Отымалкой* называют также женщину в грязной одежде (ср. рязанский фразеологизм *ходить отымалкой*). Реже встречается лексема *отымка*:

Да *отымки* мыла... Горшки-то надо чем-нибудь взять, прихватить; Он больно сальный (чугун), и все вон *отымки* – и те никак не отмываются.

В СРНГ данное слово имеет только три ареальные пометы: «рязанское», «архангельское», «курское». Последние примеры свидетельствуют о том, что утрата реалии (рогача, ухвата) в говорах не привела к исчезновению слова, оно используется для обозначения других, сходных по функции реалий домашнего быта.

Поставня. Отмечено памятниками рязанской письменности XVII в. как наименование посуды для приготовления хлебов:

...куплено в монастырь в хлѣбню пятнацать поставен на хлѣбы; да куплено пять(ь) постовень хлѣбныхъ датри корьца.

По данным СлРЯ XI–XVII вв. и Картотеки ДРС, ни одним из других памятников, кроме рязанских, слово *поставня* не отмечено [Борисова 1956: 187]. В Словаре Даля оно обозначает большую деревянную чашку для милостыни и имеет только одну ареальную помету «рязанское» [Даль III: 342]. В «Сборнике рязанских

областных слов» И.Ф. Диттеля это большая деревянная чашка, в которой валяют хлебное тесто перед тем, как сажать его в печь [Диттель 1898: 219]. В СРНГ лексема отмечена только в качестве рязанской и с теми же значениями, что у Даля и Диттеля. Второе значение – небольшая круглая корзина из соломы, суживающаяся книзу, с широким дном – также фиксируется на рязанских территориях, датируется 1920 г. [СРНГ: XXX, 211].

Картотека Рязанского областного словаря свидетельствует о том, что эти значения сохраняются в современных рязанских говорах, правда, с различной степенью детализации: ‘кадушечка, в которой ставилось тесто для хлебов или для валки теста’ (Спасский р-н, с. Кирицы; Рыбновский р-н, с. Новоселки; Ряжский р-н, с. Петрово), ‘соломенная широкая чашка, в которой подходили хлебы’ (Захаровский р-н, с. Жокино: *пъставня и дяжа, хлебы в няё кладуть, штобы ано взишло*). Информант указывает, что соломенные чаши использовали в том числе и для придания формы хлебам. В Пошупове, Новоселках, Окаемове Рыбновского района в *поставне* хлебы обваливали и разваливали перед тем, как отправлять в печь. В с. Попадьино Захаровского района зафиксирован фонетический вариант *пуставня* – посуда для хранения муки. Однако иногда процесс разделявания теста совершался в плоском корыте – *ночевке*, а затем в *поставне* его оставляли, чтобы хлебы еще подошли. Очевидно, что слово *поставня* образовано от глагола *поставить*. Видимо, это все-таки вторичное действие после приготовления теста в *деже* – кадочке для замешивания теста. Сейчас хлеб практически не выпекают в домашних условиях, поэтому старый предмет можно увидеть только у представителей старшего поколения. Однако слово пока сохраняется в памяти. Смешения с однокоренными диалектизмами не происходит: *поставка* используется исключительно как обозначение глиняного или металлического сосуда (горшка) для воды, молока, кваса, браги или для сбивания масла.

Интересно употребление слова *по-*

ставка в произведении С. Есенина (1916 г.):

Ваньчок кинул на холку поводья и, выгаскивая кошель, рассыпал краснобокую клюкву. – Не вызрела еще, – нагнулась Лимпиада, – зря напушил только. Целую *поставню* загубил.

Не вызывает сомнений, что здесь слово используется для обозначения меры. В данном случае наблюдаются семантические изменения в структуре слова – перенос значения от названия емкости на количество содержащегося в ней продукта.

Севальник. Встречается в рязанском памятнике XVII в.:

куплены два севаль(ъ)ника дано 4 де(нь)ги [Борисова 1956: 234].

В других древних памятниках, кроме рязанских, этого слова нет. В.И. Даль рязанское слово *севальник* толкует как «луково, лукошко с семенным хлебом, которое севец носит через плечо»; лексемы *сейница*, *сеяльница*, *сельница*, *севки* определяют как «корыто, на коем сеют муку». Для обозначения корзины, коробка с зерном для ручного сева в говорах используются следующие слова: *севак* (костромское), *севалка* (формирует в русских говорах обширнейший ареал), *севало* (новосибирское, свердловское, архангельское), *севальник* (рязанское, московское, владимирское), *севальница* (томское, ср.-обское), *севальня* (иркутское, московское, новгородское, ленинградское), *севанка* (калининское), *севатик* (калининское), *севатник* (московское), *севаха* (кемеровское) [СРНГ XXXVII: 99–101].

В современных рязанских говорах слово *севальник* встречается редко. В д. Бараново Рыбновского района (*раньше служыл для сева зерна, теперь дёржут муку*); в с. Старый Киструс Спасского района помят старое значение слова – ‘корзина больших размеров, которую вешали через плечо, с зерном для сева вручную’. Теперь чаще слышим наименования *севалка*, *севалок*, *сельник* для обозначения корзины из лыка или бересты любого назначения, например для сбора яблок (Захаровский р-н с. Гладкие Выселки). Того, кто сеял, называли *севаком*, *севальщиком*.

Известно использование у русских крестьян утилитарных предметов в праздничных ритуалах. *Севальник* встречается у рязанцев в рождественской обрядности. Например, в с. Березово Шиловского района обычай посыпания, «обсеивания» зерном как пожелание достатка, здоровья сохранился в памяти местных жителей до настоящего времени:

На Рождество стоишь у печи, печешь блины, входит пастух с севальником и кидает из него овес, а хозяйка подставляет фартук. Кидал овес и говорил:

Быки на тятицы,
На кудрявы хвостицы,
На живущих, на плодущих,
Животам на здоровье!
[Тульцева 2001: 41].

Итак, в XVI–XVII вв. происходит естественный процесс обновления лексического состава: одни слова, уходя из активного употребления, уступают место другим; исчезновение реалии часто приводит к переносу значения на другой предмет, сохраняющий бытовую актуальность; возникают синонимические отношения внутри лексико-семантической группы; появляются однокоренные слова для обозначения того же предмета и, наконец, сохраняется связь лексем и обозначаемых реалий с верованиями, обрядностью – все это свидетельствует о продолжающейся жизни рязанских говоров. Говоря о высокой степени сопротивляемости славянских (в том числе русских) диалектов процессам нивелирования, их саморазвития, Т.И. Вендина вводит термин «новая диалектальность» и справедливо указывает на причину этого, которая кроется в самой традиционной культуре, «поскольку восприятие и осмысление человеком мира оказываются производными от его культурно-исторического бытия» [Вендина 2010: 25].

Изучение диалектов и их восприятие как памятника истории и культуры может активизировать и школьную работу, связанную с созданием школьных этнографических музеев, с привлечением старшеклассников к сбору диалектного материала, потому что именно так и воспитывается любовь к Отечеству.

ЛИТЕРАТУРА

Борисова Е.Н. Из истории бытовой лексики рязанских памятников XVI–XVII веков. Дис. ... канд. филол. наук. – Рязань, 1956.

Васнецов Н.М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. – Вятка, 1907.

Вендина Т.И. Русские диалекты в настоящем и будущем: социокультурный аспект // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. 2010. – СПб., 2010.

Верещагин Е.М. Лингвострановедческая теория слова. – М., 1980.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1955.

Диттель И.Ф. Сборник рязанских областных слов // Живая старина. – СПб., 1898. – Вып. 2. – Отд. 2.

Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. – Смоленск, 1914.

Макаров М.Н. Краткая записка о некоторых простонародных словах Рязанского, Пронского, Скопинского, Михайловского, Рязского и Спасского уездов Рязанской губернии с объяснением их значения и

с некоторыми замечаниями об их обрядах, одежде и прочее // Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете. – М., 1820. – Ч. 20.

Макаров М.Н. Опыт русского простонародного словотолковника. – М., 1846.

Мотовилов А. Сибирская молва: К материалам для изучения областных наречий русского языка // Сборник ОРЯС. – СПб., 1888. – Т. 44. – № 4.

Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской АН. – СПб., 1852.

Подвысоцкий А.О. Словарь областного наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1885.

Словарь русских народных говоров. – М.; Л.; СПб., 1965 и след. [СРНГ].

Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1975 и след. [СЛРЯ XI–XVII вв.].

Голстой Н.И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики // Известия АН СССР, серия литературы и языка. – М., 1982. – Т. 41. – № 5.

Тулъцева Л.А. Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов и обычаев // Рязанский этнографический вестник. – Рязань, 2001.

(Окончание текста со с. 49.)

Нестандартные сравнения – главная черта творческого почерка Анны Матвеевой. Включенные в социокультурный контекст эпохи девяностых образные аналогии обладают четкой грамматической оформленностью, лексической определенностью. Неожиданность сближения предмета и объекта сравнения, модальность «кажимости» способствуют преодолению автоматизма восприятия синтаксически цельных участков рассказа. Индивидуальные сравнения выступают как способ организации аналитической познавательной деятельности подростка, маркируют голос рассказчика. На их основе формируются емкие образные обобщения, точные представления об уникальности момента. Сравнения поддерживают тематическое, темпоральное, композиционное единство текста как эстетического целого.

Рассказ Анны Матвеевой о необычной судьбе мальчика *из барака*, жадно впитывающего в себя окружающий мир, умеющего любить и прощать, не ожесточившегося, дождавшегося «своего часа»,

должен вызвать эмоциональный отклик у школьников – детей бараков или пятиэтажек, небоскребов или особняков. Ведь у каждого из них есть свое заветное слово. Может быть, прочитав рассказ, ребята поделятся с одноклассниками сокровенными мыслями, начнут находить неожиданное сходство между предметами, явлениями, лицами, идеальными объектами, чтобы образно осмыслить текущее настоящее, устремленное в будущее.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Модальные и семантические операторы // Облик слова: сб. статей. – М., 1997.

Матвеева А. Девять девяностых. – М., 2014.

Некрасова Е.А. Сравнения в стихотворных текстах // Некрасова Е.А., Бакина М.А. Языковые процессы в современной русской поэзии. – М., 1982.

Николина Н.А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. – М., 2009.

Сильман Т. Заметки о лирике. – Л., 1977.